

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПУСТЫХ ИМЕНАХ

Изидора Домбская

В современной логике традиционное дихотомическое деление имён на общие и единичные заменено трихотомическим делением на имена общие, единичные и пустые. «Есть единичные имена, т. е. означающие один и только один предмет, есть имена общие, т. е. означающие более чем один предмет, наконец, есть беспредметные, или пустые, имена, т. е. не означающие ни одного предмета», – пишет проф. Тадеуш Котарбинский в *Элементах логики, теории познания и методологии наук* (Львов, 1929, с. 7). В качестве пустых имён он, как правило, называет какие-либо противоречивые имена вроде «квадратный круг», «сын бездетной матери», а также имена различных божеств греческой мифологии, фиктивных персонажей, живущих только в сказке, песне и рассказе. Выделение пустых имён значимо в построении логического исчисления, особенно в той его части, которая в учебниках логики фигурирует под именем традиционной логики, поскольку в случае традиционной трактовки предложений по логическому квадрату она оказывается без каких-либо ограничений значимой только в отношении предложений, не содержащих пустых имён.

Несмотря на значимость этой точки зрения, способ выделения пустых имён в современной логике вызывает определённые сомнения, которые – если они окажутся верными – должны были бы склонить к некоторым корректурам в этой части семантики. Вот эти сомнения.

1. Основной семантической функцией имён является означивание [*oznaczanie*]. Введение понятия пустого имени как такого, которое ничего не означает, произвольно изменяет смысл выражения «имя» или приводит к противоречию.

«Означать ... данный предмет в данном языке – это то же самое, что быть именем этого предмета в этом языке».

Означивание [*oznaczanie*] «является ... свойством имён», – пишет проф. Котарбинский (там же, с. 6, 7), который в ранее цитированном предложении определял пустое имя ничего не означающим именем. Проф. Котарбинского нельзя обвинить в противоречии, поскольку он предостерёг, что быть именем предмета – это то же, что и означать этот предмет, а пустое имя не является именем предмета, – кроме того, он не квантифицировал оборот, что означивание является функцией имени. Не сказал, что каждого. Тем не менее, на основе обыденного понимания термина, имя, которое ничего не означает, это, собственно, не имя.

2. Следовательно, во избежание этого противоречия нужно изменить определение имени в согласии с его обыденным значением. Проф. Котарбинский это сделал, заменяя семантическую дефиницию синтаксической дефиницией: «Быть именем – это то же, что и быть способным выполнять роль предиката во всяком предложении типа “*A* есть *B*” при основном понимании связки “есть”» (там же, с. 7). Таким образом, в действительности пустое имя может быть использовано в качестве предиката такого типа предложений, а значит, оно является именем, но не существует истинного предложения, в котором беспредметное имя было бы предикатом. Ведь никто не является оборотнем и ничто не есть квадратный круг. Однако мне кажется, что предложения типа «*A* есть *B*» должны быть ложны только тогда, когда вместо *B* мы вставляем пустое имя, а вместо *A* – единичное непустое имя. Например, «Ян – [есть] король французской республики». Зато если вместо *A* и *B* мы вставим пустые имена или вместо *A* пустое имя, а вместо *B* – непустое, то получим или истинные, или ложные предложения. Истинно предложение: «Эрато – [есть] муза», но ложно: «Эрато – парка»; истинно, что «Зевс был предметом культа в Греции», но ложно, что «Зевс был предметом культа в Китае». Этот второй случай (пустое имя лишь в субъекте) не является свидетельством против дефиниции пустых имён. Но первый свидетельствует. Ибо на вопрос, кем была Эрато и кем был Атропос, можно ответить истинно: Эрато была музой, а Атропос – паркой, хотя ни музы, ни мойры не существуют. Здесь что-то не в порядке. Должна ли я сказать: Эрато есть ничто и Атропос есть ничто, ибо в таком смысле, как столы или овцы, они не существуют, ибо, как кажется, только о таком бытии можно говорить «есть тем-то и тем» в основном понимании этой связки. Но почему только о таком? С этим вопросом мы попадаем в круговорот метафизики. И здесь [возникает] третья трудность.

3. В зависимости от того, какого взгляда придерживаться на мир, можно сужать или расширять объём термина «пустое имя». Для набожного грека выражение «Зевс» не является пустым, но для атеиста XVIII века пустым является имя «Бог». Для гегельянца или диалектического материалиста существуют противоречивые предметы, почему и соответствующие имена для них не пусты. А что делать с единичными именами прошлых и будущих предметов? Они также ничего не означают, поскольку эти предметы или уже, или ещё не существуют. Кто-то скажет: разве это мешает? Логика не интересуется тем, каков объём пустых имён. Она лишь утверждает, что имена несуществующих предметов ничего не означают. А вы, добрые люди, сами беспокойтесь, под руководством философов, каковы эти имена. Только не подвергайте сомнению утверждение, что нет пустых имён, ибо тогда вам с необходимостью придётся согласиться с отрицанием этого тезиса. Ибо если нет пустых имён, то, по крайней мере, имя «пустое имя» является беспредметным, то есть пустым. С этой антиномичной печалью можно справиться. Достаточно оговорить, что мы ведём речь только об именах, взятых *in*

suppositione formali. Только о таком употреблении идёт речь. Зато сторонник пустых имён должен согласиться, что, вводя их, он одаривает науку неясным термином. Ведь не про каждое имя он может сказать, является оно пустым или нет. И это не только фактическая невозможность, появляющаяся из временного несовершенства наших познавательных методов, но столь же принципиальная неразрешимость, сколь принципиальной является неразрешимость многих проблем метафизики.

4. И наконец, соотнося класс пустых имён с классом общих и единичных имён, мы просмотрели тот факт, что т. н. пустые имена сами являются или общими, или единичными. «Житель Олимпа» является общим именем, а – «Зевс» единичным по тем же причинам, по которым общим является имя «*vir populi Romani*», а единичным – «Август». Первое означает более чем один, второе – только один предмет.

Эти и им подобные размышления могут склонять к ревизии взглядов в вопросе пустых имён. Я считаю, что каждое имя нечто означает. Если некое выражение ничего не означает, то оно не является именем, а если, ничего не означая, имеет морфологическую структуру имени, то является мнимым именем. Я не считаю, что якобы пустые имена являются только мнимыми именами. Они означают то, что и всякое имя: возможные предметы мысли. А возможными предметами мысли являются как существующие, так и несуществующие предметы, общие и индивидуальные, вневременные, теперешние, прошлые и будущие, фиктивные и даже противоречивые.

Делом онтологии является исследование формального строения этих возможных предметов мысли, а дело метафизики – решать, какие из них существуют и что это значит, что они существуют.

По крайней мере, этим я не хочу поддерживать утверждение, что если нечто может быть помыслено, то тем самым оно уже и существует реально. В связи с этим я могу различать *имена экзистенциальные и неэкзистенциальные*, признавая, что неясными эти термины являются до тех пор, пока я не знаю, что значит реально существовать. Каждый предмет мысли существует как возможный предмет мысли, некоторые существуют только таким образом, другие – ещё как-то иначе. Можно попробовать высказать утверждение, что противоречивые имена являются неэкзистенциальными, а имена обладающих сознанием субъектов – экзистенциальными. Но я знаю, что и с этим не все согласятся. Однако как экзистенциальным, так и неэкзистенциальным именам я не откажу в предметности и не назову их пустыми, желая оставаться в согласии с обыденным пониманием языка, который мне не позволяет о ком-то, говорящем о богах, произведениях искусства, числах и т. п., высказываться с убеждением, что вот этот человек говорит ни о чём. В *Федоне*, когда Критон спрашивает Сократа, как он хочет, чтобы его похоронили, Сократ, далёкий от отождествления себя с

собственным трупом, который он будет хоронить, говорит: «Верь мне, любимый Критон, что нехороший оборот – это не только сама по себе ошибка, но ещё каким-то злом [он] отравляет людские души» (перев. В. Витвицкого).

Таким нехорошим оборотом, который отравляет душу злом, является, как я старалась это показать, утверждение о пустых именах, что они ничего не означают. Конечно, пустые имена, как и все прочие имена, означают или один, или более предметов, в связи с чем, как мне кажется, стоит вернуться к старому семантическому разделению на единичные и общие имена.

Следует ли из сказанного, что мы будем вынуждены признать ложными некоторые утверждения традиционной логики (например, закон субальтернации), отрицание которых можно легко вывести на основе теории мнимой переменной, если не элиминировать пустые имена из области изменения S и P ?

Как мне кажется, нам не только не угрожают следствия этого вида, наоборот, мы, пожалуй, избавимся от многих неприятностей и парадоксов.

А. Если бы оказалось, что пустых имён вообще нет, то не нужно было бы, строя традиционную логику, вводить эту дополнительную аксиому о несуществовании пустых имён, *respectively* об элиминации пустых имён из её сферы. Но очевидно, что в действительности в логике речь не идёт о пустых именах, но лишь о несуществующих предметах, о пустых классах, о том, что к ним не применимы её законы. Однако с этим может согласиться – если не будет других препятствий – и тот, кто разделяет ту точку зрения, что нет беспредметных имён. Он попросту ограничит область изменения S и P экзистенциальными именами.

Б. Нетрудно показать, что при соответствующей модификации дефиниций частных предложений, так чтобы они не являлись предложениями о существовании, но лишь об имеющей место связи между областями S и P , можно и для неэкзистенциальных подстановок сохранить значимость законов традиционной логики.¹ Поэтому из учения об отношениях между областями пропадают парадоксальные утверждения, что якобы два имени могут одновременно оставаться в отношении замены и исключения или подчинения и исключения.² Но, как я уже упоминала, эта проблема требует дальнейших размышлений, как мне кажется, независимых от способа, каковым мы решим сформулированную здесь проблему, является ли истиной то, что т. н. пустые имена ничего не означают.

¹ Впрочем, современная логика делает это, интерпретируя предложения логического квадрата как условные области.

² См.: Ajdukiewicz K. *Logiczne podstawy nauczania*. Lwow, 1934. S. 24.